

УДК 81'367.4
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-64-72

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО «РЕАЛЬНОСТЬ» В РУССКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Чжан Шучунь

аспирант кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119001, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1. shushu8522@mail.ru

SPIN-код: 9144-5250

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5145-2774>

Статья поступила в редакцию 17.07.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чжан Шучунь. Особенности поведения многозначного существительного «реальность» в русских газетных текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 64–72. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-64-72

Please cite this article in English as:

Zhang Shuchun. Osobennosti povedeniya mnogoznachnogo sushhestvitel'nogo «real'nost'» v russkikh gazetnykh tekstakh [Characteristics of the Polysemic Noun «real'nost'» in Russian Newspaper Texts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 64–72. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-64-72 (In Russ.)

Слово *реальность* в качестве многозначного существительного с суффиксом *-ость* рассматривается на материале газетных текстов, входящих в электронный корпус «Русские газеты конца XX века». Существительные данного типа, будучи наиболее регулярным типом имен качества, могут иметь предметное значение, помимо значения отвлеченного свойства. В связи с этим для изучения их семантики необходимо использовать контексты как живой речевой материал, в которых реализуется их актуальное значение. Цель работы состоит в выяснении семантических и контекстуальных характеристик употреблений слова *реальность* на основе газетных текстов, а используемые для анализа корпусные данные позволяют выявить, какое значение у изучаемого слова является самым частотным, какие контекстуальные признаки являются характерными, а также определить типы устойчивой сочетаемости для каждого из его значений. В результате анализа контекстов установлено, что в русских газетных текстах конца XX в. значение синтаксического деривата у данного слова является гораздо менее частотным, чем номинативное. При этом у него еще развивалось новое значение 'реалия / реалии', для которого характерна форма множественного числа. Сопоставительный анализ употреблений слова на фоне китайского языка показывает, что функция «пропозитивного насыщения» у существительных на *-ость* – отличительная черта русского языка.

Ключевые слова: существительные на *-ость*; отадъективная номинализация; синтаксическая деривация; регулярная полисемия; контекстуальная семантика; словообразовательный тип.

Существительные с суффиксом *-ость* в современном русском языке составляют большую часть производных существительных, имеющих значение отвлеченного признака. Будучи основным средством деадъективной номинализации, слова с данным суффиксом характеризуются большой степенью предсказуемости значения и выполняют в русском языке прежде всего синтаксическую, конструктивную функцию. Однако

и у этих русских существительных регулярно развивается многозначность. Это делает их семантику особым и достаточно сложным объектом лингвистического исследования. В русских толковых словарях многозначность слов на *-ость* часто игнорируется, поэтому их описание является актуальной лексикографической задачей. Существительные на *-ость* нуждаются в углубленном исследовании и с практической точки

зрения. Для автоматического поиска и анализа, а также для целей преподавания РКИ очень важно найти те признаки, которые позволяют определить, в каком значении слово употреблено в тексте – в признаковом или предметном. Не менее важно установить, какое из значений и в текстах какого типа является наиболее частотным для многозначных слов на *-ость*. Ниже будет предпринята попытка решить эти задачи для слова *реальность*, обладающего высокой частотностью в текстах СМИ.

Благодаря развитию компьютерной лингвистики в настоящее время имеется инструмент, облегчающий анализ употреблений лексических единиц – это электронные корпуса текстов. Они позволяют получать конкордансы на нужную единицу и тем самым дают материал для сплошного анализа ее употреблений. В качестве материала исследования в данной статье, помимо словарных данных, был использован Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX в. (1 млн словоупотреблений), созданный в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ. С помощью конкорданса было рассмотрено, в каких значениях, насколько часто и в каких контекстуальных условиях используется это слово в Корпусе. При анализе также использовался сопоставительный метод. Перевод на китайский язык позволяет лучше выявить особенности адеквативной номинализации в русском языке.

Лексическое значение слова «реальность»

Слово *реальность* описывается в словарях Н. Ю. Шведовой [Шведова 2011], С. И. Ожегова [Ожегов 2012] и В. И. Даля [Даль 2000] как чистый синтаксический дериват, к которому отсутствует самостоятельная статья. Однако в больших по объему толковых словарях это слово описывается как неоднозначное.

Совмещение чисто синтаксической (конструктивной) и номинативной функции у производных лексических единиц – явление достаточно регулярное. Как отмечал И. А. Мельчук, при «трансляции» производная лексема может стать «полисемичной вокабулой», в которой транслативное значение производного является главным и связывается с другими его значениями («лексемами») метонимическими и метафорическими отношениями [Мельчук 1998: 463].

Е. Курилович описывает структуру таких полисемических единиц как результат развития у синтаксического деривата вторичного значения и характеризует это явление как вторую ступень деривации (лексическую деривацию), следующую за первой, синтаксической [Курилович 1962: 64].

Развитие полисемии на основе «трансляции» при адеквативной номинализации (т. е. обозначения свойства предмета с помощью существительного) происходит двумя основными способами: а) путем приобретения существительным способности обозначать не только свойство, но и субъект, имеющий это свойство (на основе метонимического и метафорического переноса типа *признак* → носитель признака); б) путем развития у него параметрического значения.

В результате этого у слов на *-ость* регулярно возникает трехкомпонентная семантическая структура следующего вида: 1) свойство по прилагательному (синтаксический дериват); 2) измеряемая величина данного свойства (параметрическое значение); 3) предмет-носитель, обладающий данным свойством. Все эти типы значений мы видим, например, у слова *ёмкость*. Слово *реальность* в силу своей модальной семантики не может иметь параметрического значения. Однако оно относится к числу употребительных, а у таких слов на *-ость*, как показывает анализ, многозначность развивается часто. Поэтому следует ожидать, что оно будет употребляться в русском языке и в предметном значении, т. е. иметь способность в «свернутом» виде именовать сочетание «*некий конкретный носитель признака + признак*».

Однако в больших по объему русских толковых словарях это значение отражено: «Объективно существующее явление, действительность, факт» [Ушаков 2017]. В Большом толковом словаре [БТС 1998] второе значение описано аналогично: «То, что существует на самом деле; действительность». На основе этих толкований второе значение слова *реальность* можно описать с помощью таких словосочетаний, как *реальная действительность*, *реальная жизнь* и *реальный факт*.

Значения слов *действительность* и *факт* достаточно далеки друг от друга. Вероятно, поэтому в словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2006] отсутствует единое толкование предметного значения и даются лишь два его подзначения: 1) *объективно существующая действительность*; 2) *явления, факты, предметы объективной действительности*.

Некоторые словари фиксируют также в качестве отдельных значений отдельные устойчивые употребления, характерные для слова *реальность*. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева находим: «1. Реальностью называется то, что существует, происходит на самом деле»; 2. «*в реальности*»; 3. «*чувство реальности*»; 4. «*смотреть в глаза реальности*»; 5. «*виртуальная реальность*» [Дмитриев 2003]. Таким образом, значения слова

реальность описываются в русских толковых словарях не единообразно.

Анализ контекстов употребления слова *реальность* в Корпусе показал, что их можно свести к трем значениям, которые важно различать при переводе на китайский язык: 1) чисто транспозиционное; 2) реальная жизнь, действительность, совокупность ее проявлений (предметное абстрактное); 3) специфические факты, проявления жизни (предметное конкретное). Последнее значение передается формой множественного числа. Ср.:

(1) *Канадцы очень горды принадлежностью к своей стране. Однако плохо осведомлены о ее политических реальностях и ее истории.*

(2) *Реальности СССР заставляли граждан западных стран ценить свободу и демократию.*

(3) *Как заявил министр иностранных дел Ирана, США наконец признали иранские реальности.*

В одном случае это значение можно видеть и в ед. числе, однако контекст неоднозначен:

(4) *...Если б советское общество отнеслось к СССР и странам Варшавского Договора как к чисто геополитической, континентальной реальности, органически сложившейся по воле объективных пространственных законов, то любые идеологические перемены...*

Обращает на себя внимание то, что в этих контекстах слово *реальность* можно заменить на однокоренное слово *реалия*. Речь в них идет не просто о реальном факте, а о факте, специфичном с территориальной или временной точки зрения. Это обстоятельство, а также тесная связь с формой множественного числа заставляет предположить, что в современном русском языке *реальность* способно выступать как синоним слова *реалия*, как его более нейтральный стилистический вариант. Ср. описание слова *реалия* в «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2006]:

реалия: см. *реалии*;

реалии (мн.): Предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках.

Синонимические словари включают *реалию* и *реальность* в одну группу, однако в толковых словарях фиксация связи между этими словами отсутствует. Возможно, это вызвано тем, что она является достаточно новой и воспринимается лексикографами как результат неоправданного смешения разных понятий, которые русский язык дает возможность различать лексически. Тем не менее в Корпусе это неразличение носит не единичный характер.

Итак, анализ контекстов употребления слова *реальность* в Корпусе позволяет говорить о наличии у этого слова трех, а не двух значений. Третье значение – ‘специфический факт, явление’ – можно рассматривать как результат дальнейшего семантического развития второго, т. е. как следствие его конкретизации и дискретизации с помощью формы множественного числа: ‘реальная действительность’ → ‘специфические проявления этой действительности’.

Характеристика употреблений (контекстуальные признаки, частотность, сочетаемость в Корпусе)

Определить, в каком значении выступает слово, позволяет контекст. В исследованиях по контекстуальной семантике отмечается, что место каждого языковой единицы в качестве зависимого элемента текстового фрагмента «должно определяться тем окружением, в котором оно встречается» [Колшанский 2020]. Именно контекст обеспечивает однозначное понимание высказывания, поэтому он существен для изучения многозначных лексических единиц, в частности, многозначных существительных с суффиксом *-ость*.

Одной из самых сложных задач корпусной лингвистики является разрешение омонимии и многозначности. Определить, в каком именно значении употреблено слово, бывает достаточно трудно даже в «ручном» режиме. Это связано с тем, что в текстах могут встречаться неоднозначные контексты и «переходные» случаи. Еще более сложно найти надежные признаки для автоматического определения значения. Как показал анализ, эти проблемы регулярно возникают и при анализе слова *реальность*.

Ожидалось, что корпусной анализ покажет, что это слово чаще всего используется в чисто транспозиционной функции. Однако это оказалось не так. Всего было обнаружено лишь 8 (из 96) употреблений, где это значение, несомненно, присутствует. Самым явным и существенным контекстуальным показателем этого значения является указание в контексте **носителя названного признака** (предмета). В качестве предмета – носителя свойства *реальный* выступает некое положение дел, ситуация (Р). Его имя во всех случаях выражается зависимым существительным в родительном падеже (*реальность чего*). Ср.:

(5) *Реальность либерализма и идеологии либерализма стала очевидной.*

(6) *Этим подчеркивалась реальность религиозной жизни страны.*

Номинализация, т. е. чистая транспозиция свойства ‘реальный’, встретилась в конструкциях следующего типа:

1. **Говорить о реальности Р.** (2 употр.)

а) *‘говорить о том факте, что Р. является реальным’;*

б) *‘обсуждать вопрос о том, является ли Р. реальным’.*

2. **Верить в реальность Р.** (2 употр.)

‘верить в то, что Р. является реальным’.

3. **Обеспечить реальность Р.** (1 употр.)

‘сделать так, чтобы х. стал реальным’.

4. **Реальность Р. становится какой** (очевидной) (1 употр.)

‘начать понимать, что Р. становится реальным’.

5. **Реальность Р. подчеркивается** (1 употр.)

‘тот факт, что Р. является реальным, подчеркивается’.

6. **Реальность Р. постигается...** (1 употр.)

‘тот факт, что Р. является реальным, постигается’.

Сравнение с эквивалентными конструкциями, в которых сохраняется исходное прилагательное, показывает, что с помощью номинализации в актантную позицию помещается целая пропозиция, в которой Р приписывается свойство ‘реально существовать’.

Е. Курилович, обсуждая механизм образования отадъективных синтаксических дериватов, обращал специальное внимание на то, что существительные типа *высота* образованы «не от прилагательных-определений, а от прилагательных в роли сказуемого» [Курилович 1962: 64]. Это делает их семантику пропозитивной. А «пропозитивная семантика всегда предметно детерминирована. <...> Точно так же, как предмет идентифицируется через его атрибуты, свойства (атрибуты) детерминируются через указание на их носителя, т. е. на предмет» [Арутюнова 2019: 79]. Поэтому наличие указания предмета-носителя при синтаксической деривации обязательно.

Номинализация выполняет компрессивную функцию, позволяя заменять сложные предложения простыми. Помещение свойства в позицию актанта, «участника» главной ситуации, а его носителя – в позицию зависимую, повышает коммуникативную значимость свойства и делает его самостоятельным объектом осмысления, речи, отношения, целью достижения.

Как отмечает М. Б. Ташлыкова, рассматривая синтаксические дериваты, «наиболее типичные функции отадъективного существительного – выражение скрытого атрибута (отвлечение эпитета) и скрытого предиката (пропозитивное насыщение высказывания)». Реализация каждой из этих функций возможна лишь в тех случаях, когда при имени качества есть имя предмета или референтное ему местоимение [Ташлыкова 2013: 53]. Анализ показал, что слово *реальность* при

транспозиции используется в газетных текстах именно для «пропозитивного насыщения». Это может быть связано как с его модальной семантикой, так и с тем, что «отвлечение эпитета» характерно в большей степени для поэтического языка.

Хотя наличие имени носителя признака в Р. п. является важнейшей приметой чистой транспозиции, этого признака недостаточно. В Корпусе имеется несколько случаев, когда в сочетании *реальность чего* реализуется предметное значение или же оно оказывается неоднозначным. Ср.:

(7) *Европейские министры финансов напомнили согражданам, что Гонконг далеко и что призрачный мир биржевых котировок и реальность экономики далеко не всегда совпадают.*

Здесь речь, вероятно, идет не о том, реально ли существует экономика, а о той действительности, которая имеет место в экономике. На это указывает сравнение с «призрачным миром котировок». Чтобы понять это, сознание читателя должно проделать операцию «распаковки» пропозиции, стоящей за именной группой. Оно должно установить, о чем идет речь: а) о реальности существования самого Р. (такого положения дел: *реальна ли экономика*) или же б) о реальной действительности (ситуации), имеющей место в сфере экономики.

Важным признаком предметного значения является наличие характеризующего *реальность* определения: оно должно указывать на особенности ситуации, имеющей место в какой-то сфере, а не на степень уверенности в свойстве ‘быть реальным’. Ср. однозначность предметного прочтения в следующем контексте, задаваемую атрибутом *нелакированный*:

(8) *...очень значимая часть отечественных элит, водрузив на знамя лозунги «приобщения масс к нелакированной реальности жизни» торопится наступить на уже хорошо известные грабли.*

Однако если атрибут *реальности* имеет значение типа ‘неочевидность’, высказывание может становиться более неоднозначным. Ср.:

(9) *...когда еще представится шанс стать немного мудрее, постичь невидимую реальность наших тайных мыслей и сокровенных желаний – инстинктов души, которые мобилизуют ее к действиям?...*

Непонятно, что является непосредственным объектом постижения: понимание того, что тайные желания и мысли хотя и невидимы, но реально существуют, или же реальный мир мыслей и желаний.

(10) *Кстати, такова невидимая реальность денег – простых бумажек, за которыми стоит человеческая энергия и труд.*

Это предложение также может быть понято двояко: (а) деньги, мысли, желания реальны (оказывают реальное воздействие), но мы не видим этого; (б) в мире денег существует такая реальная жизнь, действительность.

На основе того, что *невидимость* теснее связана с каким-либо миром, «предметна», и что выражение неочевидности для этого атрибута вторично, в примерах 9, 10 можно видеть с большей вероятностью реализацию предметного значения.

К контекстам типа *реальность чего* с предметным значением нужно отнести и следующий однозначный контекст с относительным прилагательным вместо сущ. в Р. п.:

(11) ...*телесериальная реальность* может напрямую вплестаться в реальность живую...

В работах по стилистике русского языка указывается на то, что средства номинализации нужно использовать очень осторожно в силу их возможной неоднозначности и сложности для читателя. Следующий контекст, как и некоторые предыдущие, в полной мере иллюстрирует это положение:

(12) *Но на реальной жизни людей виртуальная реальность непризнанной республики сказывается весьма ощутимо.*

Очевидно, автор хочет сказать: *республика (х.) не существует реально* (она не признана), *и это негативно сказывается на жизни людей, живущих в ней.* Однако эту фразу трудно сразу понять правильно, тем более что здесь использован модный атрибут «виртуальная», характерный для предметного значения. Отсюда возникает возможность и иного, «предметного» прочтения: *На реальной жизни людей виртуальная жизнь в непризнанной республике сказывается весьма ощутимо.* Представляется, что первое понимание является более адекватным, поэтому мы включили этот контекст в число чисто транспозиционных.

Итак, наличие зависимого носителя признака в Р. п. с большой степенью вероятности, но не всегда, означает обязательное наличие функции синтаксического деривата. Контексты без сочетания *реальность чего* тоже неоднородны. Среди них есть такие, в которых слово *реальность* сохраняет свое характеризующее значение. Их можно разделить на две группы: 1) предикатно-характеризующие; 2) обстоятельственно-характеризующие.

В контекстах первой группы речь идет о приобретении предметом / наличии / отсутствии свойства «быть реальным». Здесь встречены следующие сочетания:

1. *Стать реальностью* (4 употр.):

(13) *Если хотя бы на секунду допустить, что охотнорядческий бред стал реальностью в виде ритуального убийства, то в этом случае что – хоронить не нужно.*

(14) *Процесс пошел и стал реальностью.*

(15) *Впрочем, компьютерная литература уже стала реальностью.*

(16) *Когда паром станет реальностью и начнет работать...*

2. *Переходить в реальность* (1 употр.):

(17) *Боевики и триллеры переходят в реальность.*

3. *Быть далеким от реальности* (1 употр.):

(18) *Цифра эта очень далека от реальности.*

В этих случаях носитель свойства занимает позицию подлежащего, а свойство вступает с ним в отношения тождества (*стать реальностью*) или же пространственные отношения. Это приводит к ослаблению чисто признакового значения, к его «субстантивации». В результате становится возможным как чисто признаковое, так и предметное прочтение («реальная действительность», «реальная жизнь»), особенно при выражении пространственных отношений. Очевидно, что здесь имеет место «средняя стадия» определенчивания признакового значения. Она является следствием синтаксического разрыва, неизомичности отношений тождества, которые синтаксически устанавливаются между свойством и его носителем.

Во вторую группу входят контексты, в которых слово *реальность* выполняет обстоятельную и вводную функции, т. е. выступает как признак не предмета, а действия, аналог наречия. Эти функции оформляются с помощью синтаксемы *в реальности*.

1. *В реальности*¹ («делать что-либо реально, на самом деле») (3 употр.)

(19) *Режиссер показал последнюю схватку героя... с дьявольским искушением не в реальности, а предсмертном видении.*

(20) *Однако договаривались-то они с кабинетом министров об одной цене бюджета, а в реальности правительство теперь «проталкивает» совсем иную.*

(21) *Подобная катастрофа, случись она в реальности, имеет отношение не только к биржевым дельцам...*

2. *В реальности*² (вводная функция) (3 употр.)

(22) *В реальности революция вздыбливает, взламывает все устои...*

(23) *Не исключено, что и официальный Грозный, и организаторы Кавказского общего рынка в реальности добиваются общей цели...*

(24) *Хотя... и любит подчеркивать, что его проект – чисто экономический и не связан*

напрямую с политикой, в реальности это не совсем так.

Во всех этих случаях, как нам кажется, возможна замена слова *реальность* на *реальная жизнь, действительность*.

Поскольку в рассмотренных случаях слово *реальность* не выполняет функцию «пропозитивного насыщения», импликации пропозиции, их, очевидно, следует отличать от чистой транспозиции и описывать как особые синтаксические употребления в рамках второго, предметного значения слова *реальность*. Аналогичным образом можно поступить с выражением *чувство реальности* (3 употр.):

(25) ...мир, где ему так не хватает **чувства реальности**.

Его можно интерпретировать как ‘способность чувствовать то, что происходит в реальной действительности’.

Если принять такое решение, то количество случаев чисто транспозиционного употребления слова *реальность* в Корпусе окажется равно всего 9. Но даже если отнести характеризующие контексты к сфере синтаксической деривации, основной для данного слова в газетных текстах останется функция лексической деривации. Главным для *реальности* здесь оказывается второе, предметное значение (79 употр., включая характеризующие).

Во всех случаях, кроме описанных выше (см. примеры 7–11), в контекстах с этим значением отсутствует особое, «раздельное» указание на предмет – носитель признака. Этот носитель (жизнь, действительность) содержится в значении самого слова *реальность*. Еще одним явным признаком предметности значения является наличие «альтернативного» атрибута, т. е. признака, указывающего на возможность противопоставления, наличия иной реальности. Наиболее частые из таких атрибутов: *другая р.* (6 употр.), *новая р.* (5 употр.). Особый интерес представляет противопоставление реальной, настоящей реальности и ложной. Последняя обозначается с помощью атрибутов *виртуальная* (3), *искусственная* (2).

Во всех случаях при выражении второго значения в Корпусе используется форма ед. числа. Лишь один контекст семантически неоднозначен:

(26) *Нельзя, конечно же, проводить прямые параллели между **грубыми реальностями**, в которых как бы притушен фактор Воли и Смысла, и тонкими человеческими мирами, в которых Воля и Смысл имеют определяющее значение.*

Здесь можно видеть как второе значение (противопоставление разных реальностей и миров), так и третье значение – разделительную множественность (‘специфические факты, про-

явления реальной жизни, реалии’). Автор выразил свою мысль недостаточно ясно.

Как уже отмечалось выше, в Корпусе слово *реальность* реализуется и в третьем значении, синонимичном слову *реалия*. В 7 случаях при передаче этого значения используется форма мн. числа, и лишь в одном можно видеть данное значение у формы ед. числа. (См. выше контексты 1–4, где присутствуют явные «локализирующие» признаки – название территории, для которой типичны факты.) Это значение можно видеть и в остальных случаях использования формы мн. числа, где явная локализация отсутствует, но значение разделительной множественности достаточно очевидно. Ср.:

(27) ...в обоих случаях речь идет об оперировании с довольно глобальными категориями и **комплексными реальностями**.

(28) *Раньше можно было сколь угодно не любить Маркса и Ленина и скептически пожимать плечами по поводу советских и впрямь немалых идиотизмов. Можно было свободно искать свою смысловую территорию, опираясь на собственное понимание предельных вопросов и личное соотвествие **предельным реальностям**.*

(29) *Отдавая дань Современности с ее сухими и выверенными подходами к сфере, прячущей в себе **тонкие реальности** человеческого бытия, мы называем это особое качество «культурными кодами».*

Поскольку при реализации двух других значений однозначных случаев использования мн. числа не встречено, эту форму можно считать эксплицитным признаком выражения у слова *реальность* третьего значения.

Особенности употребления слова «реальность» на фоне китайского языка

Как отмечает М. Б. Ташлыкова, специфические различия между языками проявляются не только в лексике, в «степени дробности» лексического представления той или иной предметной области, но и в тех возможностях, которые предоставляет язык в повышении коммуникативной значимости тех или иных компонентов сообщения, т. е. «степени коммуникативной дробности»: «“Избыточность” отвлеченных имен демонстрирует другую ипостась лексической разработанности, а именно – степень “коммуникативной дробности”, степень внимания к участникам ситуации, которую может позволить себе один или другой язык» [Ташлыкова 2013: 263].

Сопоставительный анализ показывает, что при переводе на китайский язык три значения у слова *реальность*, описанные выше, переводятся не одной лексической единицей, а разными языковыми средствами.

Как показывает анализ, предложения со словопотреблением *реальность* в чисто синтаксической функции переводятся на китайский предложениями, где соответствующий признак сохраняет позицию предиката, пусть и второстепенного, дополнительного. При этом в зависимости от контекста в переводе можно использовать предикаты с разными лексическими значениями, такие как *现实* 'действительный', *实际* 'практичный', *可行* 'осуществимый', а также *真实* 'настоящий / правдивый', которые в русском языке свойственны одному прилагательному *реальный*. Ср.:

1. Реальность либерализма <i>и идеологии либерализма стала очевидной</i>			
自由主义	与自由意识	已	成为现实
либерализм	и идеология либерализма	уже	стать действительный
这一事实	已	日渐显露。	
этот факт	уже	стать очевидным	
2. Шахназаров прямо говорил о реальности такой перспективы			
	直白地	表示	
Шахназаров	прямо	говорить	
	这一设想	终将成为现实。	
	такая перспектива	стать действительный	

Использование более конкретных лексических средств при передаче русского корня *реальность* не говорит о большей лексической разработанности и дробности отражаемого им понятия в китайском языке, поскольку в русском языке *реальный* тоже имеет много более конкретных синонимов. Здесь имеет место такое межъязыковое различие, как наличие / отсутствие в языке более обобщенной, абстрактной единицы наряду с более конкретными. В русском языке такая единица возникла в результате западноевропейского заимствования.

Итак, данные примеры показывают, что для китайского языка не характерна функция пропозитивного насыщения с помощью словообразовательной транспозиции. Это свидетельствует и о меньшей коммуникативной дробности китайского языка по сравнению с русским. Адъективная транспозиция позволяет русскому слову *реальность* свободно сочетаться с именами действия. Для китайского же языка именные группы такого типа не характерны, поэтому их перевод представляет особые сложности. Определив, что русское слово *реальность* выступает в транспозиционной функции, переводчик должен изменить синтаксическую конструкцию, «вернув» признак в предикатную позицию. Ср.:

3. ...если веришь в реальность <i>получения этих прибылей</i>				
如果	你相信	这些利润	真的	可以获取
если	ты веришь	эти прибыли	реальный	можно получить
4. ...обеспечить... реальность его исполнения...				
保证		(预算的)	实际执行。	
обеспечить		(бюджет)	реальный исполнить	
5. О реальности приближающейся катастрофы говорит тот факт, что...				
逐步临近的	危机	表现	在如下事实上	
(x) приближаться	катастрофа	отражаться	... в том факте	

Особого комментария требует тот факт, что в китайском языке имена-свойства также могут образоваться с помощью присоединения особой суффиксальной морфемы *性* 'свойство быть' (например, *现实* 'действительный' – *现实~性* 'свойство быть действительным'). На первый взгляд, это средство должно образовывать синтаксический эквивалент русского слова *реальность*. Однако анализ показывает, что присоединение данного суффикса не делает позицию признака актантной, т. е. реальная транспозиция отсутствует, но в предикате появляется особый морфемный компонент классифицирующего признака. Ср. возможность двоякого перевода следующего контекста:

6. Правда, в реальность этой истории <i>(в Пушкинском Доме) до сих пор не могут верить</i>				
a)	确实,	人们	至今都	无法相信
	правда	люди	до сих пор	не могут верить
	这个故事	的	真实 + 性。	
б)	эта история	её	действительный + свойство быть	
	确实,	人们	至今都	无法相信
	правда	люди	до сих пор	не могут верить
	这个故事	是	真的。	
	эта история	быть	действительный	

Данные варианты перевода, являясь синонимичными, различаются между собой стилистически – конструкция с производным именем с морфемой *-性* (a1) характерна преимущественно для речи книжного стиля.

При переводе предметного значения слова *реальность* ('реальная жизнь, действительность') на китайский приходится использовать разные лексические единицы, более конкретные по значению и эквивалентные русским сочетаниям со

словами «мир» (世界), «факт» (事实), «жизнь» (生活) и др. Ср.:

7. <i>Может быть, в нашей постперестроечной реальности не все так определено</i>			
或许	在重建期以后的	现实生活中...	
может быть	в постперестроечной	реальной жизни	
8. <i>...где люди окунались в другую реальность...</i>			
这里,	人们	沉浸	在另一个世界中。
тут	люди	окунались	在 другой мир

Такая ситуация связана с тем, что, что пред-метное значение русского слова *реальность* включает в себя носителя признака с очень абстрактным значением – ‘все, реально окружающее человека’. Эта абстрактность достигается за счет метонимического переноса, в результате которого признак именуется по его свойству и может не конкретизироваться. Для перевода контекстов такого типа, в которых слово *реальность* выступает как субститут словосочетания, в китайском языке необходимо «раскрывать» эти словосочетания и указывать компоненты, определяемые мотивирующим прилагательным *реальный* (мир, жизнь, факт, практика и др.).

Третье значение слова *реальность* («реалия / реалии») также не имеет в китайском языке переводного лексического эквивалента и должно передаваться описательно. В контексты, где оно реализуется, нужно вводить дополнительные атрибуты с семантикой раздельной множественности и специфичности, что бывает сделать достаточно сложно. Ср.:

9а. <i>Реальности СССР заставляли граждан западных стран ценить свободу и демократию</i>				
苏联的特色情况	使	西方国家公民	开始珍惜	自由与民主。
советские уникальные факты	заставлять	граждане западных стран	стать ценить	свобода и демократия
9б. <i>Канадцы очень горды принадлежностью к своей стране, однако плохо осведомлены о ее политических реальностях и ее истории</i>				
加拿大人	十分骄傲于	自己的祖国,	然而	
канадцы	очень горды	своя страна	однако	
对本国的政治事件	与历史		却了解甚少。	
о реальных политических событиях в стране	и ее истории		плохо осведомлены	

Итак, проведенный анализ употреблений слова *реальность* в газетных текстах показал, что это слово выступает здесь прежде всего в номинатив-

ной функции, а не в функции синтаксического деривата, а также выявил некоторые контекстуальные признаки, позволяющие определить, в каком из значений выступает это частотное полисемичное слово. Эти признаки очень важны для целей обучения и перевода, поскольку русские слова на *-ость* представляют собой, несмотря на их кажущуюся регулярность, достаточно сложный с семантической точки зрения тип лексем. В частности, как показывает сопоставление употреблений слова *реальность* с их китайскими переводами, трудность представляет такая специфическая особенность русских слов на *-ость*, как совмещение у них чисто синтаксической (конструктивной) функции и номинативной. Она требует умения различать эти два вида функций в тексте и хорошего знания типа носителя признака, который может быть назван словом на *-ость*.

Список источников

Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX-го века. URL: <http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/> [закрытый доступ] (дата обращения: 01.07.2020).

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 384 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 735 с.

Дмитриев – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, Астрель, 2003. 1584 с.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Изд-во АСТ, 2006.

Колшанский Г. В. Контекстуальная семантика / отв. ред. Ю. С. Степанов. Изд. стер. М.: ЛИБРОКОМ, 2020. 150 с.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. М.: Изд-во иностр. культуры, 1962. 456 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II / пер. с фр. под общей ред. Н.В. Перцова, Е. Н. Саввиной. М.; Вена: «Язык русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. 545 с.

Ожегов – Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М.: Мир и образование: Оникс, 2012. 1376 с.

Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 277 с.

Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Дом Славянской книги, 2017. 960 с.

Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.

References

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Logical and semantic issues]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2018. 384 p. (In Russ.)

BTS – *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. 1st ed. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. (In Russ.)

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [The explanatory dictionary of the living great Russian language in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 2000. 779 p. (In Russ.)

Dmitriev – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by D. V. Dmitriev. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2003. 1584 p. (In Russ.)

Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [The modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 vols.]. Moscow, AST Publ., 2006. (In Russ.)

Kolshanskiy G. V. *Kontekstual'naya semantika* [Contextual semantics]. Ed. by Yu. S. Stepanov. Ste-

reotyped edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2020. (In Russ.)

Kuryłowicz Jerzy. *Ocherki po lingvistike. Sbornik statey* [Essays on linguistics. Collection of articles]. Moscow, Foreign Languages Publ., 1962. 456 p. (In Russ.)

Mel'čuk I. *Kurs obshhey morfologii* [The course in general morphology]. Transl. from French. Ed. by N. V. Pertsov and E. N. Savvina. Moscow, Vienna, LRC Publishing House, Vienna Slavic Almanac Publ., 1998. 545 p. (In Russ.)

Ozhegov – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. I. Ozhegov. Moscow, Mir i obrazovanie: Oniks Publ., 2012. 1376 p. (In Russ.)

Tashlykova M. B. *Semanticheskie etyudy o 'sintaksicheskoy derivatsii'* [Semantic sketches on syntaxis derivation]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 2013. 277 p. (In Russ.)

Ushakov – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, Dom slavyanskoy knigi Publ., 2017. 960 p. (In Russ.)

Shvedova – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [The explanatory dictionary of the Russian language with etymological information]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p. (In Russ.)

CHARACTERISTICS OF THE POLYSEMIC NOUN «REAL'NOST'» IN RUSSIAN NEWSPAPER TEXTS

Zhang Shuchun

Postgraduate student in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119001, Russian Federation. shushu8522@mail.ru

SPIN-code: 9144-5250

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5145-2774>

Submitted 17.07. 2020

In this paper, the abstract noun *real'nost'* is studied based on the newspaper texts included in the electronic corpus 'Russian Newspapers of the End of the 20th Century', developed by the Laboratory for General and Computational Lexicology and Lexicography, Lomonosov Moscow State University. The studied word, as well as other polysemic nouns formed with the productive suffix *-ost'*, may obtain regular concrete meanings besides the meaning of abstract attribute. Due to the polysemic nature of this particular type of nouns, contexts play a rather significant role in understanding and studying them. The purpose of the paper is to identify the semantic and contextual characteristics of the given noun while being used in different meanings in newspaper texts. Based on the corpus data, we have revealed the most frequently used meaning of the word and the contextual characteristics of each particular meaning. The study has shown that in Russian newspaper texts created in the late 20th century, the concrete meaning of the word *real'nost'* demonstrates a considerably higher usage frequency than its abstract meaning. The noun also developed a third meaning, as a result of which it can be used in the plural form. In addition, the studied word has been analyzed in a comparative perspective. When it is used in the position of the subject or an actant in original texts in Russian, its abstract meaning can only be expressed by predicates or attributes (subordinate clauses) in Chinese. This proves that the Russian language has a comparatively higher level of 'communicative fragmentation', which is mainly based on nouns formed with the suffix *-ost'*.

Key words: nouns formed with *-ost'*; deadjectival nominalization; regular polysemy; contextual semantics; syntactic derivation; word-formation type.